

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-755-764
УДК 82.091

Исторические факты литературы и личность в исследовании – о составлении книги «История русской и советской литературной критики XX века»

Цзе ЧЖАН¹, Вэньсинь ЛИНЬ²

¹Нанкинский педагогический университет
210097, Китайская Народная Республика, г. Нанкин, район Гулоу, Нинхай-Роуд, 122
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1935-8649>, e-mail: z-jie1016@hotmail.com

²Шанхайский университет иностранных языков
200083, Китайская Народная Республика, г. Шанхай, ул. Далянь (3), 550
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-1485>, e-mail: linwenxin1988@163.com

Historical facts of literature and personality in research – about the compilation of the book “History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century”

Jie ZHANG¹, Wenxin LIN²

¹Nanjing Normal University
122 Ninghai Rd., Gulou District, Nanjing 210097, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1935-8649>, e-mail: z-jie1016@hotmail.com

²Shanghai International Studies University
550 Dalian Rd. (W), Shanghai 200083, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-1485>, e-mail: linwenxin1988@163.com

Аннотация. Русская литература является важной составной частью мировой литературы и исследуется учёными всего мира. По сравнению с историей литературы, история литературной критики в большей степени представляет собой взаимодействие объективности литературных фактов и личности составителя данной истории. Представлено описание личности в исследовании на примере написанной китайским учёным Чжан Цзе книги «История русской и советской литературной критики XX века», основной задачей которой является обеспечить теоретическую основу и методы критики для анализа механизма воспроизведения значений литературных текстов и образов. Проанализированы функции литературной критики и объяснены взаимодействие и гармоничность объективных исторических фактов литературы и личности составителя в исследовании. Определены три течения русской и советской литературной критики XX века: религиозно-культурная критика, реальная литературная критика и эстетическая критика. Доказано, что история отражает не только объективность факторов, но и личность её составителя, которая является показателем различительных элементов разных версий одной истории. Объяснена необходимость координирования объективности исторических фактов и субъективности составителя и представлено ценностное отражение научной языковой личности в китайской этнокультуре.

Ключевые слова: русская литература; советская литература; история литературной критики XX века; исторические факты литературы; личность в исследовании

Для цитирования: Чжан Цзе, Линь Вэньсинь. Исторические факты литературы и личность в исследовании – о составлении книги «История русской и советской литературной критики XX века» // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 755-764. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-755-764

Abstract. Russian literature is an important part of world literature and is studied all over the world. In comparison with the history of literature, the history of literary criticism is more an interaction between the objectivity of literary facts and the personality of the compiler of this history.

This work presents a description of the personality in research using the example of the book “History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century” written by Chinese scientist Zhang Jie, the main task of which is to provide a theoretical basis and methods of criticism for analyzing the mechanism of reproducing the meanings of literary texts and images. We analyze the functions of literary criticism and explain the interaction and harmony of objective historical facts of literature and the compiler’s personality in the study. We define three currents of Russian and Soviet literary criticism of the 20th century: religious and cultural criticism, real literary criticism, and aesthetic criticism. We prove that history reflects not only the objectivity of factors, but also its compiler’s personality, which is an indicator. We explain the need to coordinate the objectivity of historical facts and the subjectivity of the compiler, and we present a value-based reflection of a scientific linguistic personality in the Chinese ethnoculture.

Keywords: Russian literature; Soviet literature; history of literary criticism of the XX century; historical facts of literature; personality in research

For citation: Zhang Jie, Lin Wenxin. Istoricheskiye fakty literatury i lichnost’ v issledovanii – o sostavlenii knigi «Istoriya russkoy i sovetskoy literaturnoy kritiki XX veka» [Historical facts of literature and personality in research – about the compilation of the book “History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 755-764. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-755-764 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Русская литература – волшебная драгоценность России и всего мира. Специалисты разных стран изучают эту важнейшую составную часть мировой литературы на разных народных языках и получают ряд разных ценных достижений в области исследований русских писателей, их великих работ и истории развития русской литературы.

Очевидно, что многоязычное составление истории русской литературной критики – вопрос, касающийся не только языкового выражения, не просто отражения объективных литературных фактов, но и процесса самосознания литературоведов-русистов в разных странах. На самом деле история литературной критики так же, как и любая история, ищет баланс между объективностью и субъективностью. С одной стороны, это связано с вымышленностью, свойственной художественной литературе, и механизмом регенерации значения текста. С другой стороны, это и касается исторического и культурного контекста, в котором литературные критики и историки находились, и разделяемых ими критических подходов, и даже касается репрезентации языка литературной критики. Таким образом, история русской литературы является как и объективной письменной фиксацией русского литературного произведения и фактов литературной критики, так и результатом вовлечения субъективности историков в русскую литературу.

Следовательно, история русской литературы в основном воплощает в себе плоды

искания истории и литературных произведений русских писателей и критиков, причём и стала текстом для дальнейшего исследования исторической и культурной интерпретации и восприятия. Описание истории русской литературы и есть процесс проникновения личности исследования в факты литературного произведения, собеседования и присоединения с ним.

По сравнению с историей литературы, история литературной критики в большей степени представляет собой взаимодействие объективности литературных фактов и личности исследователей. Хотя сама теория имеет определённую научность, но объект исследования в этих теориях – вымышленное литературное творчество, между которой и читателем расположена теория критики как промежуточный слой, причём метафизический характер теории увеличивает сложность для её понимания.

В данной статье рассматривается книга «История русской и советской литературной критики XX века» (далее «История литературной критики») в авторском осмыслении русской литературы XX века даётся различная интерпретация литературной критики и исторических фактов, а также разница языковых выражений. Попытаемся осветить проблему взаимодействия субъекта и объекта исследования, а именно: как рассматривать отношения между историческими фактами литературы и личностью в исследовании [1].

На самом деле, субъективность исследования является неизбежным фактором в работе «История литературной критики». Основная задача книги заключается не только в том, чтобы обобщать литературные явления, законы творения, но и раскрыть красочный литературный феномен с различных точек зрения, чем и обеспечить теоретическую основу и методы критики для анализа механизма воспроизведения значений литературных текстов и образов.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ – ПРЯМОЕ И ОБРАТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

По отношению к составлению истории, как правило, имеются два направления: прямое и обратное. Прямое направление составляет историю, начиная с источника возникновения, в соответствии с порядком времени описывается эволюция исторического хода и событий. Такое направление употребляется в большинстве случаев, в том числе при составлении истории зарубежной литературы в Китае, в особенности истории русской литературы.

Что касается так называемого обратного направления, то оно обозначает рассмотрение исторических явлений с точки зрения времени, когда текст рассматривается на фоне текущего культурного контекста. Думается, история литературы – это история восприятия литературы, поскольку после написания литературных текстов уже невозможно ещё добавить что-нибудь в тексты. Со временем оценки читателей всё же меняются, обогащаются, как будто литературное творчество получало обратное развитие. В этой связи история теории литературной критики должна быть «открытой», то есть уметь как объективно описать исторические факты, так и не исключать вовлечение субъективной критики, чтобы совмещать в себе самое разное – именно это одна из главных особенностей книги «История литературной критики».

Книга «История литературной критики» охватывает период с конца XIX до конца XX века, содержание книги включает глубинное исследование рождения и развития основных отечественных и эмигрантских школ русской литературной критики в этот период, их достижений и особенностей. Главная задача со-

стоит в том, чтобы изобразить траекторию развития теорий литературной критики в русскую и советскую эпохи и объективно критически охарактеризовать главных литературоведов-теоретиков и их главные достижения. Поэтому в этой книге соблюдение объективности исторических фактов – это первый принцип изложения содержания.

В процессе написания статьи, используя такие методы, как историко-филологическое разыскание, сравнительный анализ и теоретическое обобщение, мы стремимся к возрождению сценария первоначальных культурно-исторических контекстов российских литературных критиков XX века, чтобы выявить основные черты их собственных теорий, причём мы стараемся перечислить их в отдельных главах. По порядку изложения мы группируем литераторов по особенностям их теорий (указываем их даты рождения), объективно описываем траекторию развития этих теорий.

Итак, книга начинается с описания теории религиозно-культурной критики рубежа XIX–XX столетий и множества теорий, отражающих в основном социалистический реализм и ряд других направлений: формализм, семиотику и т. д., изучающих эстетические особенности. Заканчивая описанием возвращения теории религиозно-культурной критики и формирования плюральной структуры литературной критики на рубеже XX–XXI веков, книга «История литературной критики» предоставляет читателям целостную историческую картину русских и советских теорий литературной критики XX века.

Можно сказать, что русская литературная критика XIX века во главе с В.Г. Белинским, Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым носила реалистический характер, а литературная критика XX века проявила пестроту художественной теории. Книга «История литературной критики» представляет собой ценную ссылку для анализа отношений между русско-советской литературой и идеологией в XX веке для ознакомления с происхождением современной западной литературной критики, ощущения духовной жизни русского народа XX века.

На наш взгляд, «История литературной критики» не только показывает квинтэссенцию исследований русских и советских мыс-

лителей и теоретиков XX века, но и является материалом для сегодняшнего исследования процесса восприятия культуры. Личность в нашем исследовании, а именно субъективность исследования, в основном отражена во введении книги, в котором мы пытаемся обобщить историю развития русской литературной критики XX века на основании нашего собственного понимания. Мы изображаем её как «гантелеобразную», то есть её начальная и конечная части большие, а промежуточная часть маленькая. Речь идёт о том, что развитие теорий критики испытало кругооборот из «плюрализма» на «монизм», потом снова на «плюрализм». На рубежах XIX–XX и XX–XXI веков на территории бывшего Советского Союза существовал разнообразный спектр литературной критики, и трудно перечислить, сколько именно было теорий или школ мысли.

Позволим напомнить, что ситуация «монизм» в советских художественно-литературных кругах началась с начала 1930-х гг. и в основном являлась неизбежным результатом идейного единства советской идеологии. Нельзя отрицать того факта, что, когда литература развивалась до определённой стадии, в кругах творчества и критики считали необходимым, чтобы прекратились внутренние споры и сохранилась мирная ситуация.

В период с 1-го съезда советских писателей в 1934 г. до 2-го съезда в 1954 г. в литературном мире царил только одна литературная теория и метод исследования – социалистический реализм, по существу, это был период «монополизации» по теории и методологии. В то же время в советской научной сфере было принято называть многонациональную литературу на период с октябрьской революции 1917 г. по распад СССР в декабре 1991 г. «советской литературой». Определение «советский» существовало в тот период, когда была установлена советская власть, и художественно-литературный круг находил собственный путь творчества и поиска теории.

В XX веке А.П. Чехов, Л.Н. Толстой и другие классики ушли из жизни, к тому же после таких крупных политических событий, как октябрьская революция 1917 г., целая плеяда писателей, например, И.А. Бунин, оказалась в изгнании, в результате чего про-

цветание русской литературы, начавшееся в XIX веке, стало угасать. В это время в творческих сообществах появились разнообразные философские течения. «Советская литература» по праву считается результатом сложных процессов изыскания пути развития и является показателем нового стиля литературы XX века.

После смерти И.В. Сталина в 1953 г. наступила эпоха «оттепели», в кругах советских литературных теоретиков сформировалась концепция искусства с идеологической направленностью. Используя метафору, можно сказать, что в пределах социалистического реализма и монизма литература предстала, как «скованный танец». В 1960-е и 1970-е гг. диверсификация в рамках «социалистического реализма» была одной из центральных обсуждаемых тем в теоретических кругах.

После того как М.С. Горбачёв пришёл к власти в 1985 г., особенно после распада СССР, возвратились и вскоре проникли во все аспекты социальной жизни различные религиозные и культурно идейные течения. В сфере русской литературной критики на рубеже XX–XXI веков опять была намечена тенденция «плюрализма». Очевидно, что в течение целого XX века развитие русской литературной критики прошло по циклу «плюрализм – монизм – плюрализм».

История русской и советской литературной критики состоит из двух чередующихся периодов – с российской эпохи (до 1917 г.) до советской эпохи (1917–1991 гг.), а затем опять российская эпоха (после 1992 г.). Именно под влиянием ярких чередований эпох и идеологических переворотов исследование истории литературной критики стало сложным вопросом. Стало трудно определить, какие труды являются предметами исследования истории русской и советской литературной теории, а какие – западных стран? Весьма необъективно определить принадлежность трудов литературоведов только по их национальности в реальной жизни.

Происхождение любой теории тесно связано с историческими и культурными ценностями того народа, которому принадлежит её создатель. Таким образом, идеи или теории эмигрантских русских литературоведов, кри-

тиков и мыслителей неизбежно подвергались влиянию русской национальной культуры, и их должны включать в рамку исследования истории литературной критики.

Русская литературная критика XX века должна разделяться на две части, а именно «отечественный сектор» (литературная критика в СССР) и «зарубежный сектор» (литературная критика русского зарубежья), а лишь смешанная картина из этих двух частей продемонстрирует панораму русской литературной критики XX века.

Оглядываясь в прошлое, в советских кругах литературных критик и теорий фокусировался только «отечественный сектор», а «зарубежный сектор» был игнорирован или отстранён. Эмигрантские теоретики и писатели считались чуждыми элементами, подвергались осуждению. Такая идеологизация исследования литературных теорий, безусловно, явилась результатом распространения ультралевого течения. Напротив, многие западные исследователи переоценивали «зарубежный сектор», не обратили внимания на литературные произведения и теории советской эпохи, в особенности теории социалистического реализма. Это другое направление идеологизации, и такое исследование тоже было необъективное, что впадало в другую крайность. На самом деле, 70-летнюю историю советской эпохи нельзя стереть, и она достойна глубокого изучения учёными и их размышлений.

Можно сказать, что понимание критиками и теоретиками русской и советской литературы обоих секторов не только обогатило сокровище русской и советской литературной критики всего XX столетия, но и оказало огромное влияние на ход развития западных теорий литературной критики того же времени. Если бы не было русского формализма, было бы трудно себе представить появление англо-американской «новой критики», французского структурализма и деконструктивизма. И без развития Пражской лингвистической школы, основанной в 1926 г. чешским лингвистом Вилемом Матезиусом, не было бы такого процветающего развития современной лингвистики. Благодаря рекомендации французского учёного Юлиа Кристева на западе, идея диалога М.М. Бахтина стала важным теоретическим стержнем течения

постмодернистского деконструктивизма в западном обществе. Тартуско-московская семиотическая школа, вдохновителем которой был Ю.М. Лотман, стала важной частью западной семиотической школы, оказав заметное влияние на развитие теории западной литературной критики.

В «Истории литературной критики» мы различаем исторические фоны, на которых рождались теории литературной критики, и контекст восприятия составителей истории, чтобы читатели смогли понять объективные факты и ознакомиться с личностями авторов в исследовании. Так и осуществляется взаимодействие объективных исторических факторов и субъективного исследования.

ФУНКЦИИ КРИТИКИ – РЕЛИГИОЗНАЯ, РЕАЛЬНАЯ, ЭСТЕТИЧЕСКАЯ

Каждая история составляется по собственным принципам написания. В книге «История литературной критики» по функции литературной критики представлено 33 ключевых теоретика, которые делятся на три категории – по религиозной функции, по реальной функции и по эстетической функции.

Такая же классификация теоретиков по функциональным характеристикам, очевидно, проявляет субъективность составителя. С точки зрения типологии, с помощью такого метода исследования проще сравнить характеристики различных теорий критики и глубже проанализировать сходства и различия между различными теориями одного и того же типа.

По прошествии более столетия взлётов и падений, русская и советская литературная критика XX века со своим «отечественным сектором» и «зарубежным сектором» развивается, расцветает, и оказывается крайне разветвлённой. Творческие методы и теории критики разных школ развиваются не только сами по себе, но и взаимно влияют друг на друга с теориями других школ. Однако, исходя из функции литературной критики, на наш взгляд, на фоне русской и советской литературной критики XX века выделяются в основном три течения.

Во-первых, религиозно-культурная критика, основной функцией которой является искание в вероисповедании, например, ве-

дущие религиозно-культурные критики Серебряного века. Во-вторых, различные школы реальной литературной критики, с упором на социальные функции литературы. В том числе марксистская литературная критика, реализм, вульгарный социологизм, школа пролетарской культуры, РАПП, социалистический реализм и другие школы, а также литературные теоретики, берущие отражение социальной реальности как главную задачу. В-третьих, течение эстетической критики с приоритетом эстетической функции литературы и формы искусства. К этому течению относятся русский формализм, пражская школа, эстетическая школа, Тартуско-московская семиотическая школа, историческая поэтика и т. д.

Считаем, что течения «религиозное», «реальное», «эстетическое» одно за другим преобладали и таким образом сформировали траекторию развития русской и советской литературной критики XX века. Вывод о поочередном доминировании трёх течений в развитии русской и советской литературной критики XX века, по-видимому, является проявлением личности в исследовании у составителя книги «История литературной критики».

Эти три течения появились в начале XX века, они имели тесные связи с традициями литературной критики XIX века. Религиозно-культурная критика была прямо связана с православной традицией русского народа, её теоретическим происхождением является религиозная философия В.С. Соловьева в конце XIX века. Критика социальной реальности прямо или косвенно брала начало от марксистской литературной критики и реалистической традиции в лице В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. Эстетическая критика была в основном продолжением и развитием критики эстетизма XIX века в XX веке. Такое развитие не только считается углубленным обсуждением эстетической природы искусства, но и вовлекает семиотику, историческую поэтику и другие методы исследования. Итак, эти три основных течения сталкивались, особенно на рубеже двух веков, выделяясь одно за другим. Некоторые выделяющиеся научные школы постепенно исчезли, научные школы и их представители были раскритикованы. Одни представители научных школ даже бы-

ли вынуждены покинуть страну и признать крах своей теории, другие теории, наоборот, выдержали испытание времени. Изучение истоков трёх течений восстанавливает историческую правду, поскольку в большей степени выдерживается принцип объективности и исчезает субъективность составителя книги.

Среди этих трёх течений наиболее характеризующейся национальным характером школы критики явно считается религиозно-культурная критика. Это в первую очередь обусловлено русским народным верованием, тем, что православие присуще русской душе, оно оказало глубокое влияние на формирование русского менталитета. Какие бы социальные перемены и перипетии россияне ни испытали, их религиозность неизменно укрепляется. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков – это период расцветания религиозно-культурной критики в России, то есть в конце веков она находилась в состоянии «подъёма». В советский период из-за изменений официальной идеологии религия находилась в состоянии «падения».

В отличие от религиозно-культурной критики, критика социальной реальности испытала большой «подъём» в основном во времена Советского Союза, в частности, в период, когда «царил» социалистический реализм, который доминировал в истории развития советской литературной критики XX века. Даже сегодня, когда произошёл катаклизм в идеологической области, мы ещё можем видеть, что критики социальной реальности все ещё подают свой голос в литературном обществе, только уже не пользуются статусом «засилья», как это было в советские времена.

Эстетическая критика появилась накануне октябрьской революции 1917 г., кажется, была несовместима с господствующей идеологией советского периода, и испытывала долгосрочное «падение». В начале 1930-х гг. даже ушла в «подполье», либо эти критики эмигрировали ещё ранее. Между прочим, возрождение, или «подъём», данного течения произошло ранее. После смерти И.В. Сталина на фоне дебатов об эстетической природе искусства Тартуско-московская семиотическая школа во главе с профессором университета Тарту Ю.М. Лотманом и профессором МГУ Э.Н. Успенским унаследовала тради-

ции русского формализма, не только устояла в советском литературном обществе, но и приобрела мировой статус. В то же время всеобщее внимание в академических кругах привлекла поэтическая теория М.М. Бахтина, оказавшая большое влияние на мировую научную сферу.

По пути развития русской и советской литературной критики XX века мы обнаруживаем, что идейные течения литературной критики на территории России и СССР испытывали три значительных переворота. Первый переворот – переход на социальную реальность, который произошёл в период образования Советского Союза. Этот переворот завершился установлением статуса социалистического реализма в 1934 г. Второй переворот – переход на эстетическую критику (начиная с больших дебатов об эстетической природе искусства в 1956 г.), который существовал на протяжении всей второй половины XX столетия. Третий переворот – это возрождение теории религиозно-культурной критики в период распада СССР. Заметим, что через эти три переворота мы видим перемещение фокуса исследования в сфере литературной критики. Разные критические теории по-разному существовали, они изменялись и развивались в «открытом» или «закрытом» пространстве.

Очевидно, что изображенные во введении «Истории литературной критики» три идейных течения со всеми подъёмами и падениями и переходы фокуса исследования в XX веке отражают взаимодействие и гармоничность объективных исторических фактов литературы и личности исследования составителя книги. Исторические явления – объективная реальность, может быть, сами по себе являются сложными и хаотичными, но мы можем упорядочить их, далее обобщать и провести наши итоги. Итак, «История литературной критики» имеет больше значения для чтения, больше справочной ценности для строительства теорий литературы.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КРИТИКИ – ОБЪЕКТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

В книге «История литературной критики» личность составителя и субъективность исследования ярко отражены в том, что были

использованы литературные критические подходы, насколько это было возможно для интерпретации литературных объектов, то есть текстов. Речь идёт в особенности о таких подходах, как религиозно-культурные критические и эстетические критические подходы, которые сложно осмысляются и трудно применяются в практическом исследовании. В этом случае осуществляется соединение теории с практикой. Теория не только позволяет нам знакомиться с миром, но и становится мощным инструментом для чтения и интерпретации литературных произведений.

Таким образом, изучение проблем русской и советской критики XX века по книге «Истории литературной критики» позволяет использовать её теоретические идеи и методы для анализа литературных произведений. Стоит отметить, что это является показателем вовлечённости субъективности в объективность исследования, поскольку теория критики предоставляет методы для интерпретации литературного текста. Следовательно, теория критики обеспечивает способом, «наведением моста» между субъективным критиком и объективным текстом.

При использовании разных методов или подходов литературной критики для анализа текста по-разному отражается субъективность исследователя. Самым объективным методом является показ читателям реального примера, как какой-нибудь литературный критик применяет теорию предшественника для конкретного анализа. Например, в книге «Истории литературной критики» после изложения «теории отстранения» формалиста В.П. Шкловского мы в последнем пункте данной главы «Отстранение и материализация – «Евгений Онегин» читаем, как Ю.М. Лотман интерпретировал искусство повествования в «Евгении Онегине» с помощью теории отстранения. В отличие от многих западных теоретиков, которые исследовали литературу как языковой текст, Ю.М. Лотман воспринимает преобразованный литературный текст и как языковую реальность и саму жизнь.

При анализе стихотворного романа «Евгений Онегин» Ю.М. Лотман справедливо отметил творческий принцип А.С. Пушкина: «Превращать не жизнь в текст, а текст в

жизнь. Не жизнь выражается в литературе, а литература становится жизнью» [2, с. 453]. Ю.М. Лотман считал, что А.С. Пушкин не рассматривал литературу как отражение жизни, а она являлась самой жизнью, и литературное творчество является не результатом текстуализации жизни, а результатом материализации текста.

Следовательно, в интерпретации Ю.М. Лотмана, «отстранение» не текстуализирует жизнь, а представляет собой процесс материализации, «литературность» – не результат текстуализации жизни, а продукт материализации жизни. В своей «Лекции по структуральной поэтике» Ю.М. Лотман замечает, что язык является материалом литературы, он не только комбинирует различные символы и коды для передачи информации, но и имеет важную познавательную функцию. Ю.М. Лотман даже воспринимает языковую структуру за совокупность познавательной деятельности и подчёркивает, что язык сам по себе является второй реальностью [3, с. 45].

Ю.М. Лотман обнаружил, что для осуществления материализации текста и достижения эстетического отстранения А.С. Пушкин использовал уникальный повествовательный метод «разговор». Он процитировал слова А.С. Пушкина: «с романом нужно поговорить». На этом основании Ю.М. Лотман признаёт аналогичный приём наряду с приёмом построения теории повествовательной драмы немецкого драматурга Бертольда Брехта, который с помощью драматического аналитического инструмента «эффекта отчуждения» глубоко раскрывал, как А.С. Пушкин осуществляет интеграцию «материализации» и «отстранения» литературного творчества посредством драматического метода в романе. В анализе романа «Евгений Онегин» Ю.М. Лотман использовал теорию «отстранения» Шкловского, но и решил проблему ограничения использования теории отстранения в процессе текстуализации.

Самым субъективным методом вовлечения субъективности в исследование является прямой анализ текста с использованием собственной теории теоретика. В последнем пункте главы о Соловьёве в «Истории литературной критики» на основе его эстетической идеи «единство существенное» используется символистический метод критики в

интерпретации романа известного русского писателя А. Белого «Петербург».

Главный герой романа – Санкт-Петербург, столица Российской империи, точка пересечения восточной и западной цивилизации. По нашему мнению, конфликт между двумя цивилизациями был сконцентрирован автором в столице Российской империи, поэтому пространство Санкт-Петербурга стало «математической точкой» для демонстрации мирового процесса и космической силы [4, с. 167]. А по времени роман разворачивается на протяжении девяти дней в октябре 1905 г., тем не менее, за сжатое время «проецируется прошлое и будущее мировой истории» [4, с. 168]. А. Белый выбрал ограниченное пространство и время, но показал нам бесконечность пространства и времени. Здесь переплетаются и сталкиваются западный рационализм, позитивизм и восточный мистицизм, превосходство эмоций. Каждый человек или событие в романе могут отражать неограниченные символические значения.

В романе «Петербург» образ сенатора Аполлона Аполлоновича Аблеухова был создан «на гротескном соединении мотивов геометрии и бюрократии» [4, с. 175]. Центром деятельности Аполлона является прямолнейный Невский проспект в Петербурге, который пересекается со многими прямыми дорогами и полицейскими участками, что является одновременно и символом сети национальной бюрократии, и воплощением бездушия власти рационализма, бессилия господства. У второго героя романа Дудкина пространственным атрибутом является раскольниковский чердак с мокрицами, тараканами и чёрными лестницами на расстроенных васильевских островах. Этот неуловимый человек в конце концов стал жертвой борьбы государственной и партийной сил. Образ сына сенатора Николай Аблеухов был определён критиками как «иронический образ человека-икринки» [4, с. 170]. Пространственным атрибутом является бомба для попытки убить его отца – банка из-под сардин, что знаменует собой сложный, всегда сомневающийся характер интеллигенции, представленной Николаем. Думается, по мнению А. Белого, самое идеальное пророчество сделал крестьянин-сектант Стёпка, пространственным атрибутом которого является воз-

можный Ноев ковчег, который он хочет строить, чтобы противостоять всяческой диктатуре, отделиться от Церковного режима и государственной власти. Ковчег должен направиться не на Восток, не на Запад, а к общему предку, общему духовному источнику восточной и западной цивилизаций.

В своём «Петербурге» А. Белый использует крайне ограниченный пространственный и временный символы для раскрытия выходящего, может быть, за пределы времени и пространства. Описывая столкновение и смешение различных сил в символической форме, писатель показывает, что в Санкт-Петербурге, как микрокосме социальной реальности, внутренние конфликты принесли вред идеалам, традициям, экологической цивилизации, и особенно, человеческому существованию. Единство истины, доброты и красоты в материальном и духовном пространствах разбалансировалось, а для того, чтобы восстановить баланс и гармонию, нужно только вернуться к человеческим предкам, к источникам цивилизаций и их слиянию. В

романе «Петербург» за ограниченное пространство и время, то есть в пределах девяти дней и одного города – Санкт-Петербурга, показывается значение существенного единства, материального единства и интеграции в более широком и даже бесконечном смысле.

«История литературной критики» – самоинтерпретация китайского учёного об истории развития литературной критики в русскую и советскую эпохи XX века в современном историческом контексте. По историчности и объективности она, как история, имеет много общего и сходного с теми точками зрения, которые изложены какими-либо учёными других народов. Однако из-за различий в идеологии, исходной точке зрения, культурном контексте, языковом выражении и субъективности исследования и т. п. эта книга существенно отличается от версий других авторов. На самом деле, в контексте мировой литературы нужны различные многоязычные версии истории в самых разных стилях. Ведь один цветок весны не делает, весна приходит, когда распускаются все цветы.

Список литературы

1. 张杰. 20世纪俄苏文学批评理论史. 北京: 北京大学出版社, 2016. 456 с. (*Чжан Цзе*. История русской и советской литературной критики XX века. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2016. 456 с.)
2. *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. 848 с.
3. *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1964. 195 с.
4. Русская литература рубежа веков (1980-е – начало 1920-х годов) / отв. ред. В.А. Келдыш. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. Т. 2. 768 с.

References

1. 张杰. 20世纪俄苏文学批评理论史. 北京: 北京大学出版社 [History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century], 2016, 456 p. (In Chinese).
2. Lotman Y.M. *Pushkin* [Pushkin]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1995, 848 p. (In Russian).
3. Lotman Y.M. *Leksii po struktural'noy poetike* [Lectures on Structural Poetics]. Issue 1, Tartu, University of Tartu Publ., 1964, 195 p. (In Russian).
4. Keldysh V.A. (executive ed.). *Russkaya literatura rubezha vekov (1980-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the turn of the Century (1980s – early 1920s)]. Book 2. Moscow, IWL RAS: Nasledie Publ., 2001, vol. 2, 768 p. (In Russian).

Информация об авторах

Чжан Цзе, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы. Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика. E-mail: z-jie1016@hotmail.com

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1935-8649>

Линь Вэньсинь, кандидат политических наук, постдок института глобального управления и регионоведения. Шанхайский университет иностранных языков. г. Шанхай, Китайская Народная Республика. E-mail: linwenxin1988@163.com

Вклад в статью: написание части текста, редактирование текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-1485>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Линь Вэньсинь

E-mail: linwenxin1988@163.com

Поступила в редакцию 13.06.2020 г.

Поступила после рецензирования 25.08.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the authors

Jie Zhang, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Literature Department. Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China. E-mail: z-jie1016@hotmail.com

Contribution: idea, study conception, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1935-8649>

Wenxin Lin, PhD. of Political Science, Postdoc of Shanghai Academy of Global Governance and Area Studies. Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China. E-mail: linwenxin1988@163.com

Contribution: part of manuscript text drafting, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-1485>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Wenxin Lin

E-mail: linwenxin1988@163.com

Received 13 June 2020

Reviewed 25 August 2020

Accepted for press 25 September 2020